

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Аmineва В.Р. Типы диалогических отношений между национальными литературами (на материале произведений русских писателей второй половины XIX в. и татарских прозаиков первой трети XX в.). – Казань: Казан. гос. ун-т, 2010. – 476 с.

Кардинальные перемены в жизни общества (усиление процессов глобализации, тесное взаимодействие национальных культур, с одной стороны, и рост национального самосознания народов – с другой) всё чаще заставляют задумываться о диалоге культур и литератур, необходимости анализа его целей, результатов, движущих сил и условий, конкретного содержания. Признание того факта, что многообразие национальных художественно-эстетических систем не исключает общечеловеческих смыслов, объединяющих разные литературы, определяет актуальность поисков исторически конкретного проявления многообразия и общности духовных ценностей.

Монография В.Р. Аминовой «Типы диалогических отношений между национальными литературами (на материале произведений русских писателей второй половины XIX в. и татарских прозаиков первой трети XX в.)» посвящена диалогическим отношениям между двумя национальными литературами – русской и татарской. При этом разработка этой сложной и многоаспектной темы погружена в теоретический контекст. Это предопределило особенности исследования, предпринятого В.Р. Аминовой. Книга написана с учётом традиций мирового и отечественного литературоведения, в том числе Казанской литературоведческой школы, занимающей особое место в науке о слове: у неё давняя и богатая история, множество достижений.

Высокая научная результативность рецензируемого исследования связана с его чрезвычайно продуктивной методологической основой. Диалог как форма бытия культур в «большом» времени предполагает взаимообогащение и развитие противостоящих друг другу точек зрения, рождение нового содержания в результате встречи и сопряжения различных ценностей и смыслов. В.Р. Аминова выбрала крайне интересный аспект бахтинской теории: «Концепция диалога как особого вида смысловых отношений акцентирует понимание эстетического объекта как бытийно-эстетического образования, в основе которого лежат персонологические и имманентно-социальные отношения между субъектами – “я” и “другим”, автором и героем» (с. 27–28). В то же время диалогичность как существенный элемент межлитературных и межкультурных взаимодействий осмысливается в данной работе во многом по-новому – в аспекте

«субъект-субъектных» отношений между национальными литературами, или «межсубъектных отношений в их предельной выраженности», что позволило автору предложить принципиально новую систематику межлитературного процесса.

Большое внимание уделяется семиотическим и структуралистским концепциям отечественной и зарубежной науки. Для исследователя важны труды Ю.М. Лотмана, прежде всего его семиотика текста и теория семиосферы. Как отмечает В.Р. Аминева, «Ю.М. Лотман формирует представление о тексте как о динамическом, внутренне противоречивом семиотическом пространстве, в имманентной структуре которого заключена потенциальная возможность генерирования новых смыслов» (с. 29). Впрочем, В.Р. Аминева выстроила свою работу на основе множества собственных оригинальных, но при этом тщательно продуманных, выверенных фактически идей.

Репрезентативными по отношению к сущности диалога категориями являются понятия «своего» и «чужого», которые в последние годы получили достаточно широкое распространение в гуманитарных науках. Как пишет В.Р. Аминева, природа «чуждости» основывалась на противопоставленности аспектов этнолингвистических, этико-вероисповедальных, пространственно-географических. Объём и содержание концепта чуждости конституируют и те параметры, в которых формулируются дихотомные типологии культур. Поскольку пространство «чужого» всегда воспринимается как недоступное и непостижимое, предел «своего», концептуальную роль играет установление границы, где «своё» встречается с «чужим», осознаёт и проявляет себя. Преодоление границы ведёт к растворению «чужого» в «своём», его освоению. Важным представляется положение о том, что в процессе диалога культур и литератур его участники входят в мир иных художественно-эстетических ценностей и обретают своё неповторимое место в «зоне контакта» с «чужими» познавательными, этическими и эстетическими смыслами.

В первой главе монографии «Межлитературный процесс: принципы систематизации» представлен глубокий теоретический анализ проблем межлитературного процесса. Выявляя эпистемологический потенциал принятой в литературоведении классификации связей между литературными явлениями, В.Р. Аминева существенно дополнила её новыми принципами систематизации и структурирования. Исследователь совершенно справедливо видит литературный процесс как развивающийся по своим внутренним, имманентным законам. Этому посвящён специальный раздел первой главы, в котором рассматриваются источники устойчивых способов мышления и самовыражения в искусстве: мифы, архетипы, психоисторические модели, сущностные параметры человеческой психологии, проявляющиеся в системе «автор – произведение» и «произведение – читатель», и др. Как пишет В.Р. Аминева, «связывая литературные формы с символикой мифа, ритуала, историческими процессами, культурными кодами, константами бытия и природы человека, универсалии выявляют инвариантные свойства художественного дискурса, “архетипы” творческого воображения и повествовательных ресурсов писателей» (с. 56). Автор рецензируемой работы осознаёт дискуссионность проблемы универсалий в современной науке, что обусловлено существованием двух подходов к трактовке данной категории,

имеющих разную эпистемологию: «универсальное», которое понимается как возникшее под детерминирующим влиянием «общего», и «универсальное» как обусловленное множественностью его содержательного раскрытия.

Радует следующее обстоятельство: В.Р. Аминева отдаёт себе отчёт в том, что при исследовании текстов, принадлежащих разным культурно-историческим традициям, возникает ситуация, когда отвлечённо-логический анализ средствами и в понятиях европейской и русской литературоведческой науки оказывается не работающим на литературном материале, имеющем иную языковую структуру и отражающем иные традиции художественного видения мира. В третьем разделе первой главы убедительно определяются методы и приёмы исследования инациональных художественных традиций в присущем им специфическом семантическом и образном поле, зачастую непереложимом на языки иных культур.

В завершающем разделе первой главы монографии межлитературный диалог рассматривается в герменевтическом и структурно-семиотическом аспектах. Как отмечает учёный, осуществление межлитературного диалога как возможного и актуального развертывания смысловых отношений предполагает мир «третьего». Им может быть абсолютный надресат – трансцендентальный субъект, тот, кто в диалоге не участвует, но его понимает. Когда татарские писатели вступают в диалог с русской литературой, «третий» спускается из своего «надстояния» и растворяется в позиции автора.

Во второй главе монографии ««Своё», противопоставленное “чужому”» исследуется один из видов диалогических отношений между татарской прозой первой трети XX в. и русской литературой второй половины XIX в. Выявляются лежащие в основании сопоставляемых культур системообразующие связи, детерминирующие характер соотношения формы и содержания, принципы построения художественного образа, сюжетный план произведений, организацию речевого материала в произведениях русских и татарских писателей. По наблюдениям В.Р. Аминевой, татарская проза начала XX в. репрезентирует характерные для «восточного» эстетического мировосприятия равноправные и бездоминантные отношения между частью и целым, явлением и сущностью, формой и содержанием. В русской литературе закономерности смыслообразования связаны по преимуществу с дуализмом этих категорий: релевантными оказываются присущие европейской культуре «основания рациональности» (А.В. Смирнов). Региональная детерминация литературно-художественных систем получает в работе дальнейшую национально-историческую конкретизацию.

Блестящ по своей филологической огранке один из промежуточных выводов о том, что в произведениях Ш. Камала, Г. Исхаки, Г. Ибрагимова и др. «создаётся характерная для романного дискурса экзистенциальная картина мира как центрированная вокруг “я” героя система обстоятельств личностного присутствия в жизнепроцессе бытия. Но коммуникативная стратегия данного типа дискурса для реципиента, воспитанного на традициях русской, западноевропейских литератур, определяется жанром притчи» (с. 107). Для произведений И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, по наблюдениям В.Р. Аминевой, характерны скорее поиски «авторитетного», «неоспоримого» слова и коммуникативные стратегии, этим поискам соответствующие. Наличие символического

параллелизма, при котором содержание совпадает с формой его выражения, лишь один из элементов поэтики данных текстов, наиболее очевидно проявляющийся на уровне ономастики, цветовой образности, символики чисел и др.

В монографии выделены и охарактеризованы ещё три типа диалогических отношений между русской и татарской литературами: «“своё”, полемизирующее с “чужим”», «“своё” как переструктурированное “чужое”», «“своё”, сходное с “чужим”». Они образуют диалогические системы, репрезентативность которых обеспечивается тем, что в них проявляются основные тенденции национального культурно-исторического развития, обнаруживается взаимодействие конвергентных и дивергентных механизмов межлитературного общения.

В третьей главе монографии «“Своё”, полемизирующее с “чужим”» выявляется природа второго типа диалогических отношений между произведениями русских и татарских писателей, для которого характерны аксиологичность и рефлексивность. Данная система диалогических отношений, как доказано в рецензируемом труде, проблематизирует доминирующие в произведениях русских и татарских писателей мотивировочные категории, субъектные структуры не только в пространстве читательского восприятия, но и в пределах художественного высказывания, становясь источником возникающих в нём эстетически значимых смыслов. С этой точки зрения значимыми представляются выявленные в работе жанрово-стилистические различия между произведениями русских и татарских писателей, особенности их художественного метода.

В четвёртой главе, посвящённой детальному рассмотрению третьего типа диалогических отношений («“своё” как переструктурированное “чужое”»), представлен сложный синтез конвергентных и дивергентных механизмов межлитературной коммуникации, проявившихся в сфере принципов и приёмов психологического изображения. Подытоживая свои наблюдения, В.Р. Аминева приходит к выводу: «В татарской литературе начала XX в. формируется психологизм как стилевая доминанта, эстетическое образование, определяющее художественное своеобразие произведений и подчиняющее себе строение всей художественной формы, перекликающийся с психологизмом Толстого и Достоевского и имеющий свои национальные истоки» (с. 351). Далее развивается мысль о том, что данный вид диалогических отношений осуществляет своеобразное взаимоналожение семантических полей «своего» и «чужого» художественно-эстетического опыта.

В пятой главе монографии «“Своё”, сходное с “чужим”» даётся сопоставительный анализ синтетических форм и методов психологического изображения в произведениях русских и татарских прозаиков. Исходный тезис В.Р. Аминевой таков: диалогическая система, создаваемая по модели «“своё”, сходное с “чужим”», позволяет установить черты эстетического сходства в сопоставляемых явлениях. Но сходное по функциям не всегда оказывается таковым по своей сути, истокам, внутренней природе, что позволяет осознать факт культурно-языкового многообразия и понять его смысл.

В заключении монографии можно найти много выводов. Но остановлюсь лишь на одном: «Концепция диалога литератур открывает новые перспективы для системного и комплексного изучения межлитературного процесса, его содержания, структуры, форм, тенденций развития, социокультурной детермини-

рованности» (с. 428). Монография В.Р. Аминовой «Типы диалогических отношений между национальными литературами (на материале произведений русских писателей второй половины XIX в. и татарских прозаиков первой трети XX в.)» является весомым вкладом в изучение диалога русской и татарской культур.

*О.А. Клинг,
Московский государственный
университет
им. М.В. Ломоносова,
г. Москва*